

Блинова Л.Р.

Научный руководитель: Попова В.В.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E – mail: lilianablinova2@gmail.com

Системная проблема тенденциозности результатов судебной экспертизы при действующем порядке выбора экспертов

Судебная практика выявляет существенный пробел, законодательство не устанавливает единых требований к компетентности экспертов и чётких критериев их отбора. Из-за этого суды зачастую ограничиваются формальной проверкой квалификации специалистов, что повышает вероятность предвзятости экспертных заключений и подрывает принцип состязательности и объективного правосудия.

На данный момент в правовой системе сохраняется серьёзная проблема, законодательство не устанавливает единых стандартов компетентности экспертов и чётких критериев их отбора. Более того, в нормативных актах отсутствует определение таких ключевых понятий, как «компетентность эксперта» и «специальные знания». При этом последний термин активно используется в судопроизводстве как весомый аргумент — несмотря на размытость его содержания [9].

Изучение судебной практики свидетельствует о том, что при выборе экспертного учреждения суды ориентируются прежде всего на три фактора: квалификацию привлечённых специалистов, сроки выполнения экспертизы и удалённость организации [5]. При этом организационно-правовая форма учреждения может быть, как государственная, так и негосударственная.

На практике отсутствие единых стандартов оценки компетентности экспертов оборачивается формальным подходом к их выбору. Как отмечают, суды нередко ограничиваются поверхностной проверкой квалификации назначенных экспертов [2]. Это особенно критично в делах, где экспертное заключение способно напрямую определить итоговый вердикт.

Существенное различие в правовом статусе и экономических моделях работы государственных и негосударственных экспертов создаёт дополнительные сложности в практике назначения экспертиз. Как подчеркнул Конституционный Суд в Постановлении № 6-П, «различие в источниках финансирования, статусе и экономической модели деятельности исключает возможность прямого сопоставления расценок» государственных и негосударственных экспертных учреждений [1].

На практике по-прежнему распространён подход, при котором негосударственные экспертные организации приравнивают к государственным судебно-экспертным учреждениям механически. Конституционный Суд указал на ошибочность использования тарифов государственных организаций как универсального эталона для оценки «разумности» вознаграждения негосударственных экспертов. Такой метод не учитывает рыночный характер экспертной деятельности и может нарушать баланс интересов участников процесса [1].

Отсутствие чётко закреплённого финансово-правового статуса негосударственных судебно-экспертных организаций создаёт дополнительные трудности в правоприменительной практике. Как подчёркивает А. В. Попова в своём исследовании, такая правовая неопределённость порой приводит к недостаточной прозрачности механизмов бюджетного финансирования, что осложняет регулирование сферы экспертных услуг [5].

Пути решения проблем:

1. Вопрос расширения прав стороны защиты в части инициирования судебных экспертиз приобретает особую актуальность. В докладе Уполномоченного по правам человека подчёркивается необходимость создания процессуального механизма, который даст участникам судопроизводства возможность самостоятельно ходатайствовать о назначении экспертиз [9]. С этой инициативой коррелирует законопроект, подготовленный Федеральной палатой адвокатов

РФ и направленный в Государственную Думу: он нацелен на совершенствование процессуального статуса специалиста и повышение доказательственной ценности его заключений в уголовном процессе. Реализация данных предложений могла бы способствовать восстановлению баланса сторон и укреплению принципа состязательности при использовании специальных знаний.

2. Принятие единого закона о судебно-экспертной деятельности. В весеннюю сессию 2026 года в Государственной Думе РФ планируют рассмотреть и принять отдельный Федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности». Его ключевая задача — установить единые правила работы как для государственных, так и для негосударственных экспертов. В числе прочего закон должен регламентировать квалификационные требования, деятельность саморегулируемых организаций экспертов, а также порядок применения современных технологий, включая искусственный интеллект, в судебной экспертизе [8].

Принятие этого закона позволило бы закрепить:

- единые стандарты подготовки и квалификации экспертов;
- четкие требования к оформлению экспертных заключений;
- правила взаимодействия между экспертом, судом и участниками процесса;
- унифицированные критерии оценки компетентности специалистов;
- механизмы, гарантирующие независимость экспертов.

Несмотря на позитивные сдвиги последних лет — принятие Постановления Конституционного Суда № 6-П, Распоряжения Правительства № 239-р, подготовку профильного законопроекта — этих мер недостаточно. Только комплексный нормативный подход поможет преодолеть проблему тенденциозности и вернуть судебной экспертизе статус объективного и беспристрастного инструмента правосудия.

Литература

1. Судебная экспертиза и цена доверия: как Постановление КС РФ № 6-П меняет правила игры в административных спорах. <https://alrf.ru/articles/sudebnaya-ekspertiza-i-tsena-doveriya-kak-postanovlenie-ks-rf-6-p-menyayet-pravila-igry-v-administrat/>
2. Судебная экспертиза по гражданским делам: важность четких критериев для эффективного разрешения споров // Администрация Платавского сельского поселения, 2026.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2026 N 6-П "По делу о проверке конституционности статей 3, 45 и части 3 статьи 108 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации "Центр мониторинга и контроля за ценообразованием"
4. Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31.05.2001 N 73-ФЗ (последняя редакция)
5. Выбор экспертного учреждения судом // КонсультантПлюс, 2026
6. Панфилов П.О. Избыточность назначения судебных экспертиз в ходе досудебного производства // Судья. 2026. № 2. С. 13–18.
7. Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2026 N 239-р <О внесении изменений в перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями, утв. распоряжением Правительства РФ от 16.11.2021 N 3214-р>
8. Изменения в законодательстве РФ в экспертной сфере в 2025-2026 гг.: что важно знать адвокату? // Интернет-ресурс, посвященный адвокатской деятельности, 25 января 2026.
9. Экспертизы обвинения стали умалять права человека // Федеральная палата адвокатов РФ, 2 февраля 2026.

Демидов А.А.

Научный руководитель: канд. ист. наук доцент каф. юриспруденции Попова В.В.
Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: demidov_33@bk.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ УСТАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ.

Гражданский кодекс Российской Федерации [1] в п.1 ст. 52 содержит положение, закрепляющее, что хозяйственные общества действуют на основании учредительных договоров, таким договор является Устав. Он подлежит государственной регистрации занесению в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ), что говорит о его публичном характере. Также, положения Устава являются открытыми и могут быть получены любыми заинтересованными лицами.

В свою очередь, корпоративный договор регулируется ст. 67.2 ГК РФ и представляет собой соглашение между участниками хозяйственного общества, которым стороны обязуются осуществлять свои корпоративные права определённым образом или воздерживаться от их осуществления. В отличие от устава, корпоративный договор не подлежит обязательной государственной регистрации и, как правило, носит конфиденциальный характер. В итоге получается ситуация, при которой третьи лица при взаимодействии с обществом могут быть введены в заблуждение, ведь самостоятельно получить полную информацию о закреплённых ограничениях или обязательствах в корпоративном договоре они не могут [6].

Ключевое противоречие возникает в вопросе иерархии этих двух документов. С одной стороны, устав, будучи учредительным и публично доступным документом, формирует базу для взаимодействия. С другой же стороны, корпоративный договор позволяет участникам согласовать дополнительные правила поведения, которые могут отличаться от положений устава.

Такую ситуацию допускает и судебная практика в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества[4]. Следовательно в отношениях между сторонами корпоративного договора его условия могут иметь приоритет над положениями устава.

Проблема усугубляется и тем, что действующее законодательство не содержит чёткого регулирования и понимания, когда следует применять положения устава, а когда – корпоративного договора, в случае их противоречия друг другу.

К примеру, у корпорации А. по производству автомобилей 3 участника, между которыми заключён корпоративный договор с условием, что для заключения сделки необходимо единогласное согласие участников.

Один из участников, действуя от имени корпорации, заключает договор поставки оборудования с корпорацией Б., при этом не согласовав свои действия с другими участниками, тем самым нарушив корпоративный договор. В свою очередь, корпорация Б. не могла знать о возможном нарушении, поскольку положения корпоративного договора являются конфиденциальными.

Следовательно, такая сделка может быть признана недействительной [5].

Анализ законодательства показывает, что помимо регулирования Гражданским кодексом РФ, отдельные аспекты данной темы регулируются и специальными законами. Например, Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в ст. 8 предусматривает возможность заключения корпоративного договора участниками ООО [2]. Аналогичная норма содержится в ст. 32.1 Федерального закона от

26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» применительно к акционерным обществам[3]. Однако ни один из этих законов не решает вопрос о соотношении правовой силы устава и корпоративного договора.

Для устранения существующих пробелов и противоречий целесообразно внести следующие изменения в законодательство:

1. Необходимо чётко закрепить в ГК РФ положение, согласно которому в отношениях с контрагентами приоритет отдаётся уставу общества, поскольку его положения доступны к ознакомлению без ограничений. В иных случаях, при регулировании отношений между участниками – применяется корпоративный договор.

2. Обязать участников регистрировать в ЮГРЮЛ отдельные положения корпоративного договора в случае, когда такие положения будут влиять на правовое положение участников общества или взаимодействие с контрагентами.

3. Установить пределы допустимых условий корпоративного договора. В частности, следует прямо запретить включение в договор положений, противоречащих императивным нормам закона (например, положений, ограничивающих право участника на получение информации или участие в общих собраниях).

Таким образом, в настоящее время в корпоративном праве существует проблема, заключающаяся в отсутствии в законодательстве чёткого понятия, какой из документов: устав общества или корпоративный договор будет иметь преобладающее значение в случае противоречия друг другу. Такая ситуация приводит к нарушению прав как участников хозяйственного общества, так и контрагентов, поскольку принятые органами управления решения могут быть отменены, а договоры, заключенные с контрагентами – признаны судом недействительными. Решение указанной проблемы позволит существенно повысить прозрачность корпоративных отношений и укрепить доверие к институту хозяйственного общества в целом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.

3. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.

4. Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Постановление от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — № 140. — 30 июня.

5. Калдыбаев Аскар Куралбаевич, Оспанова Гульназ Кабдулаевна ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. №1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-narusheniya-korporativnogo-dogovora>

6. Амосов А. С. КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР: МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ // Вестник науки. 2025. №12 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnyy-dogovor-mehanizm-pravovogo-regulirovaniya>

Елисеева Е.А.

Научный руководитель: канд. юрид. наук Орлова А.Н
Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: elizavetaeliseeva975@gmail.com

Некоторые проблемы защиты авторских прав в цифровой среде

Авторское право – совокупность правовых норм, регулирующих отношения по поводу создания и использования произведений науки, литературы и искусства. Авторские права подразделяются на исключительное право и личные неимущественные праваⁱ. В условиях глобальной цифровизации Интернет стал основным каналом дистрибуции контента. Однако правовая база авторского права, сформированная в «эпоху материальных носителей», сталкивается с беспрецедентными вызовами:

Техническая простота копирования: Цифровой объект может быть растиражирован миллионы раз без потери качества и затрат.
Анонимность и псевдонимность: Сложность идентификации нарушителя в сети. Новые субъекты: Появление генеративного искусственного интеллекта (ИИ), создающего контент на основе заимствованных произведений.

Основными проблемами авторских прав в сети интернет:

-проблема надлежащего правового регулирования ответственности информационных посредников – профессиональных участников сети Интернет. Особенности ответственности информационных посредников посвящена статья 1253.1 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ»). Информационный посредник, являясь субъектом предпринимательской деятельности, отвечает на виновных началах, что является исключением из общего правила о безвиновной ответственности предпринимателейⁱⁱ

-проблема регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в контексте авторского права является одной из самых острых юридических дискуссий современности. Основная сложность заключается в том, что текущее законодательство большинства стран создавалось в расчете на человека-творца, тогда как ИИ кардинально меняет процессы создания и использования контента.ⁱⁱⁱ По моему мнению, необходимо на законодательном уровне закрепить статус произведений, созданных ИИ, и определить порядок лицензирования данных для обучения нейросетей. Возможным решением является создание коллективных организаций по управлению правами специально для ИИ-разработчиков.

Реализация и защита авторских прав в интернете остается одной из самых сложных задач современного права из-за трансграничного характера сети и возможности мгновенного копирования контента. Эффективная защита авторских прав в интернете требует не только ужесточения ответственности, но и развития международного сотрудничества.

Карочкина К.А.

Научный руководитель: к.ф.н., доцент, зав. каф. юриспруденции Каткова Л.В.
Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
kseniagaskart@yandex.ru

Федеративное устройство РФ

Российская Федерация является федеративным государством, которое объединяет 89 субъектов, обладающих определённой политической самостоятельностью. Конституция РФ 1993 года закрепляет основы федеративного устройства: в ч. 1 ст. 1 Российская Федерация определяется как федеративное государство, ст. 5 формулирует ключевые принципы федерализма, а глава 3 «Федеративное устройство» (в частности, ст. 65-79.1) детализирует статус и взаимодействие субъектов.

Ключевыми принципами федерализма являются государственная целостность, равенство и право на самоопределение народов, единство системы государственной власти, верховенство федерального права, разграничение предметов ведения и полномочий, а также равенство субъектов РФ. Данные нормы обеспечивают единство страны, защищают права народов и определяют взаимодействие федеральных и региональных органов власти.

Состав РФ отражает политико-территориальное и этнокультурное разнообразие страны: в него входят 24 республики (в т.ч. 21 национальная), 9 краёв, 48 областей, 3 города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург и Севастополь), 4 автономных округа и 1 автономная область. При этом особенностью российского федерализма выступает асимметрия: республики обладают более широкими полномочиями – они имеют собственные конституции и право устанавливать государственный язык, тогда как края, области и города федерального значения руководствуются уставами, а автономные округа могут быть ограничены в самостоятельности, если входят в состав других субъектов.

История формирования российского федерализма началась с земской реформы 1864 года. В советский период действовала централизованная система управления с национальными автономиями. Важные этапы развития пришлись на 1992 год, когда был заключён Федеративный договор, и на 1993 год – год принятия Конституции, закрепившей принципы федерализма. В 2000-е годы прошли реформы по укреплению вертикали власти: были созданы федеральные округа и введён институт полномочных представителей Президента.

Историческое развитие федеративных институтов создало основу для современного государственного устройства, однако не устранило всех вызовов. Серьёзной проблемой остаётся экономическая асимметрия между регионами. Например, на Москву и Московскую область в 2023 году приходилось 26% ВВП страны, тогда как на Республику Калмыкия – менее 0,2% совокупного ВРП.

Регулирование межбюджетных отношений, направленное на сглаживание диспропорций в развитии регионов, осуществляется на основе Бюджетного кодекса РФ (ст. 7, гл. 16 «Межбюджетные трансферты» (ст. 129-142.8)) и соответствующих федеральных законов. Доля собственных доходов региональных бюджетов сильно варьируется: в Тюменской области она достигает 80-90%, а в ряде других регионов не превышает 30%. Чтобы компенсировать дисбаланс, используются трансферты и дотации из федерального бюджета.

На фоне решения задач бюджетного выравнивания регионы параллельно развивают и другие направления государственного управления. Отдельные субъекты демонстрируют заметные успехи в цифровизации – это становится дополнительным стимулом для экономического роста и повышения качества госуслуг. Так, Татарстан достиг уровня «цифровой зрелости» 93,4% (2022 г.) по пяти отраслям (городское хозяйство, транспорт, здравоохранение, образование и госуправление), а Калининградская область оптимизирует логистику и таможенные процедуры в рамках особой экономической зоны.

Перспективы развития российского федерализма связаны с повышением прозрачности распределения бюджетных средств, внедрением цифровых платформ, стандартизацией управленческих процедур, уточнением распределения полномочий между уровнями власти, развитием межрегионального сотрудничества и совершенствованием механизмов финансового выравнивания.

Таким образом, федеративное устройство РФ сочетает единство государства с региональной автономией. Баланс между централизацией и самостоятельностью субъектов позволяет учитывать этнокультурное многообразие и обеспечивать рост регионов. Дальнейшее развитие требует решения проблем экономической асимметрии и бюрократизации, а также внедрения современных управленческих технологий.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 31.03.2026).
3. Федеративный договор от 31.03.1992 «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации».
4. Белоусова, Е. В., Язынина, А. А. Правовое регулирование разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами // Молодой ученый. — 2022. — URL: <https://moluch.ru/archive/441/96540> (дата обращения: 17.10.2025).
5. Ревина, С. Н., Французова, М. С. К вопросу о сущности федеративного устройства государства // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. — 2020. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-federativnogo-ustroystva-gosudarstva> (дата обращения: 30.09.2025).
6. Тарасова, О. Е., Николаева, Е. А. История развития российского федерализма // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. — 2021. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-rossiyskogo-federalizma> (дата обращения: 08.10.2025).
7. Юн, Л. В., Заманова, А. Н. Актуальные вопросы разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и её субъектов // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. — 2022. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-razgranicheniya-polnomochiy-organov-gosudarstvennoy-vlasti-rossiyskoy-federatsii-i-ee-subektov> (дата обращения: 15.10.2025).

Кашенина А. Н.

Научный руководитель: Попова В. В.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: kasheninaanastasia@yandex.ru

К вопросу о формировании корпоративного права как самостоятельной отрасли права

Уже не одно десятилетие продолжается дискуссия о том, какое место занимает корпоративное право в системе российского права. Экономические преобразования, усложнение организационно-правовых форм юридических лиц и появление новых корпоративных конструкций подталкивают исследователей к переосмыслению того, насколько органично корпоративные отношения вписываются в традиционную отраслевую структуру. От того, какой ответ будет дан на этот вопрос, во многом зависят не только научные классификации, но и практика применения законодательства, систематизация нормативного материала и выработка единых подходов к регулированию корпоративной деятельности.

Обычно при решении вопроса об отраслевой принадлежности того или иного правового образования обращаются к двум ключевым критериям – предмету и методу регулирования. В литературе сегодня можно выделить две основные концепции, по-разному отвечающие на вопрос о месте корпоративного права, причем каждая из них опирается на весомые аргументы.

Сторонники цивилистического подхода настаивают на том, что корпоративное право следует рассматривать в рамках гражданского права. Так, например, Д.И. Степанов, анализируя тридцатилетнюю эволюцию Гражданского кодекса, показывает, как тесно связано развитие корпоративного законодательства с гражданско-правовой традицией. Исследователь обращает внимание: такие базовые для корпоративной сферы институты, как свобода договора, диспозитивность норм и судебная защита, имеют очевидные корни в гражданском праве. По его мнению, любые попытки «оторвать» корпоративное право от его основы не учитывают той системной взаимосвязи, которая существует между ним и общими положениями гражданского законодательства [2].

Альтернативную позицию развивают авторы, стоящие на позициях предпринимательского права. Один из ярких представителей этого направления – Т.В. Кашанина, которая отстаивает взгляд на корпоративное право, как на ядро предпринимательского права, а последнее, в свою очередь, трактует как самостоятельную отрасль. Её аргументация строится на том, что корпоративные отношения выходят за рамки сугубо частноправовых: они включают публично-правовые элементы (регистрационные процедуры, надзорные функции, лицензирование) и управленческие аспекты, которые сложно свести к традиционным сделкам [1].

Однако у этого подхода есть свои слабые стороны. Во-первых, само предпринимательское право не получило однозначного признания в качестве отрасли. Во-вторых, корпоративное право распространяется и на некоммерческие организации (потребительские кооперативы, садоводческие товарищества, общественные объединения), которые не занимаются предпринимательской деятельностью. Следовательно, предмет корпоративного права шире, чем сфера предпринимательства, и сводить его только к ней было бы неверно.

В литературе можно встретить и третий взгляд, согласно которому корпоративное право представляет собой межотраслевой комплексный институт. Однако такое понимание объединяет разнородные отношения, связанные лишь общим субъектом. Между тем классическое корпоративное право занимается преимущественно внутренними отношениями участия и управления, а не всем спектром отношений, в которые вступает корпорация. Расширение предмета до межотраслевого комплекса размывает границы института и лишает его внутреннего единства.

Более убедительной выглядит позиция, согласно которой корпоративное право – это подотрасль гражданского права. Такая квалификация подтверждается несколькими соображениями. Во-первых, у корпоративного права есть общая часть, закреплённая в

кодифицированном акте (нормы о создании, реорганизации, ликвидации, правах участников). Во-вторых, специальная часть представлена отдельными законами – об акционерных обществах, об ООО, о хозяйственных партнерствах, которые лишь детализируют и развивают общие положения. В-третьих, метод регулирования остается гражданско-правовым: в основе лежит диспозитивность, дополненная императивными нормами там, где требуется защита интересов участников или кредиторов. Такое строение – классический признак подотрасли.

Д.И. Степанов справедливо замечает, что попытки выделить корпоративное право в самостоятельную отрасль игнорируют тот факт, что его ключевые институты органично встроены в систему гражданского законодательства и не могут функционировать изолированно [2]. Иными словами, корпоративное право – это результат закономерной дифференциации гражданско-правового регулирования, а не некое обособленное явление.

Таким образом, несмотря на интенсивное развитие корпоративного законодательства и его высокую практическую значимость, признать корпоративное право самостоятельной отраслью в настоящее время нельзя. У него нет уникального метода, отличного от гражданско-правового, а его предмет полностью охватывается рамками гражданского права. Наиболее корректно определять корпоративное право, как подотрасль гражданского права – это соответствует сложившейся системе законодательства, доктринальным представлениям и реальным потребностям правоприменения.

Литература

1. Кашанина, Т.В. Корпоративное право: учебное пособие для вузов / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024 — 199 с. — (Высшее образование). — Текст: непосредственный — URL: https://www.litres.ru/get_pdf_trial/70938061.pdf;
2. Степанов Д.И. Гражданский кодекс и востребованность российского корпоративного права // Закон. — 2025. — № 1. — С. 15-38; № 2. — С. 22-41. — URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/10969>.

Кашина Е.А

Научный руководитель: Попова В.В

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 2
E-mail: lisakaschina2100@yandex.ru

Проблема аутентификации электронных доказательств в арбитражном и гражданском процессе

Цифровая трансформация общественных отношений, охватившая все области социальной коммуникации, поставила перед правовой системой принципиально новые задачи, связанные с интеграцией информации, представленной в электронной форме, в судопроизводство. Если два десятилетия назад электронные документы рассматривались как исключение, требующее специального правового регулирования, то сегодня они стали преобладающей формой фиксации юридически значимых действий. Переписки в мессенджерах, данные с мобильных устройств, видеозаписи с камер видеонаблюдения, журналы серверов и информация из социальных сетей регулярно предоставляются в суды в качестве доказательств по широкому спектру категорий дел. Однако процессуальное право, исторически сформированное для работы с материальными носителями информации, не оказалось готовым к адекватной оценке цифровых объектов, что привело к возникновению фундаментальной проблемы аутентификации электронных доказательств.

Аутентификация в контексте судопроизводства представляет собой процедуру установления подлинности доказательства, направленную на подтверждение того, что представленный объект действительно соответствует заявленным характеристикам и не подвергался неправомерным изменениям. В отношении традиционных документов данная процедура основывается на визуальном осмотре, анализе физических носителей, экспертизе почерка и других методах, учитывающих материальную природу объекта.

Электронные доказательства, в свою очередь, не обладают материальной основой в традиционном понимании, представляя собой последовательность цифровых кодов, которые могут быть интерпретированы человеком только после преобразования посредством программно-аппаратных средств. Кроме того, цифровая информация обладает возможностью модификации без видимых следов, что делает применение традиционных методов аутентификации принципиально нецелесообразным.

Одной из фундаментальных проблем российской правовой системы является отсутствие легального понятия «электронное доказательство» как самостоятельного средства доказывания. Доказывание в современном уголовном процессе трудно представить без использования сведений в электронной форме, однако нормативного регулирования особого вида доказательств — «электронных» — не предусмотрено.

Статья 75 АПК РФ и статья 71 ГПК РФ относят электронные документы к письменным доказательствам при условии их подписания электронной подписью. Однако такой подход не учитывает всей специфики цифровой информации. Исследователи подчеркивают, что «впечатляющее многообразие подходов ученых к определению понятия, содержания и признаков электронных доказательств свидетельствует о злободневности темы исследования» [1]. В теории и практике наиболее спорными являются вопросы определения понятия и содержания электронных доказательств, а также целесообразности их правового регулирования в процессуальном законе.

Отсутствие понятийной определенности порождает ситуацию, при которой один и тот же объект может квалифицироваться то как письменное доказательство, то как вещественное, то как «иной документ». Это создает неопределенность в применении процессуальных правил его истребования, представления и исследования. Как справедливо указывает Т. Арапова, российское право не признает электронное доказательство как отдельную категорию, при этом

отсутствуют специальные правила оценки этих доказательств, направленные на решение проблем с идентификацией, достоверностью и сохранностью [2].

Анализ судебной практики показывает, что в настоящее время отсутствует унифицированный подход к аутентификации электронных доказательств. Исследователи указывают на непоследовательность судов в применении процедур проверки подлинности цифровых материалов [3]. В одних случаях суды принимают скриншоты, не заверенные нотариально, в качестве допустимых доказательств, если они не оспорены другой стороной; в других случаях суды требуют обязательного нотариального осмотра интернет-страниц или назначения сложной компьютерно-технической экспертизы.

Примером может служить дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации, в котором суд первой инстанции отклонил скриншоты электронной переписки как недопустимые доказательства исключительно на основании отсутствия нотариального заверения. Апелляционная инстанция отменила данное решение, указав, что «суд не создал необходимые условия для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, не оказал лицу, участвующему в деле, содействие в осуществлении его прав» [4].

В то же время Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении по вопросам защиты авторских прав отметил, что заявитель вправе самостоятельно заверить скриншоты при условии указания адреса интернет-страницы и точного времени их получения [5]. Данная позиция свидетельствует о стремлении высшей судебной инстанции смягчить формальные требования, однако не решает проблему системно, так как самоверенные скриншоты не предоставляют криптографического подтверждения неизменности данных.

Наиболее системный подход к решению проблемы аутентификации демонстрирует Китай. Там электронные доказательства признаны самостоятельной категорией и детально урегулированы. В перечень входят переписка, блоги, блокчейн-записи, аудио- и видеоданные, IP-адреса, геолокация. Установлены четкие критерии оценки: происхождение, неизменность (подпись, хеш, метка времени), условия хранения. Данные, полученные через сертифицированные платформы, пользуются презумпцией достоверности [2].

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования правового регулирования аутентификации электронных доказательств в российском судопроизводстве.

Во-первых, необходимо законодательное закрепление понятия «электронное доказательство» как самостоятельного средства доказывания в ГПК РФ и АПК РФ. Как справедливо отмечается в литературе, под электронными доказательствами следует понимать сведения, имеющие значение для дела, выраженные в цифровой форме, полученные, исследованные и оцениваемые с использованием специальных технических средств, созданные и существующие на электронных носителях [1].

Во-вторых, необходимо совершенствование института нотариального обеспечения электронных доказательств. Традиционный нотариальный осмотр интернет-страниц должен быть дополнен возможностью фиксации динамического контента с применением средств видеозахвата, а также созданием механизмов оперативного закрепления доказательств до их возможного удаления.

В-третьих, важным направлением является разработка единых стандартов оценки электронных доказательств на уровне высших судебных инстанций. Обобщение судебной практики и формулирование разъяснений по вопросам аутентификации различных видов электронных доказательств позволило бы обеспечить единообразие правоприменения и предсказуемость судебных решений.

В-четвертых, необходимо создание системы подготовки судей и специалистов в сфере цифровой криминалистики. Как отмечается в международных дискуссиях, судьи нуждаются в непрерывном специализированном обучении по вопросам кибербезопасности, цифровой криминалистики и защиты данных для преодоления существующего разрыва в компетенциях.

Литература

1. Никурадзе Н.О. «Электронные доказательства»: о понятии и правовом регулировании в свете потребностей практики раскрытия и расследования преступлений (российский и

зарубежный опыт) / Н.О. Никурадзе, Е.В. Мищенко, Е.А. Марина. — DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(6).632-642. — EDN SWKKYQ // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 6. — С. 632–642.

2. Арабова Т. Суд и код // Адвокатское бюро «Бартолиус». URL: https://bartolius.ru/news_comm/sud-i-kod/.

3. Ольга Сергеевна Маторина, Татьяна Александровна Шавырина, Марина Владимировна Орлова Приобщение электронной переписки и аудиовизуальных материалов в судопроизводстве // Социология и право. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priobschenie-elektronnoy-perepiski-i-audiovizualnyh-materialov-v-sudoproizvodstve>

4. Исследование скриншотов и природа электронных доказательств: ключевые разъяснения ВС // Ассоциация юристов России URL: <https://alrf.ru/news/issledovanie-skrinshotov-i-priroda-elektronnykh-dokazatelstv-klyuchevye-razyasneniya-vs/>

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 15 “О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты” // ГАРАНТ.РУ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406880740/>

Клюшина А.И.

Научный руководитель: Огнёв О.Г.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
kl.nessy@mail.ru

Защита прав потребителей при покупке товаров на маркетплейсах

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием онлайн-торговли и ростом популярности маркетплейсов как основного канала приобретения товаров, однако это сопровождается и увеличением числа споров, связанных с качеством товаров, сроками доставки и возвратами, а также недостаточным пониманием потребителями распределения ответственности между продавцом и платформой.

Маркетплейс являясь посредником выступает как платформа, объединяющая множество независимых продавцов, при этом именно продавец формирует предложение, устанавливает цену и несёт основную ответственность перед покупателем, за информацию о товаре, если она не была искажена самой платформой, то есть является надлежащим ответчиком в споре о защите прав потребителя.

Отношения сторон регулируются нормами дистанционной торговли, закреплёнными в Законе РФ «О защите прав потребителей», предоставляющими покупателю право отказаться от товара до его получения и вернуть его в течение 7 дней, а при отсутствии информации о порядке возврата — в течение 3 месяцев, при этом возврат возможен без объяснения причин при соблюдении требований к сохранности товара, за исключением отдельных категорий.

В случае обнаружения недостатков потребитель вправе требовать возврата денежных средств, замены товара, устранения недостатков или соразмерного уменьшения цены, а для технически сложных товаров установлены специальные сроки и условия.

Существенной проблемой остаётся навязывание дополнительных платных услуг с использованием манипулятивных интерфейсных решений, однако изменения законодательства 2025 года запретили автоматическое подключение услуг и закрепили необходимость получения явного согласия потребителя, а также возможность возврата средств за такие услуги.

Дополнительную угрозу представляет распространение контрафактной продукции, незаконно использующей чужие товарные знаки или копирующие оригинальную продукцию, при этом основная ответственность возлагается на продавца, а маркетплейс может быть привлечён только при несоблюдении обязанностей по реагированию на нарушения.

Защита прав потребителя предполагает поэтапный алгоритм действий, включающий обращение к продавцу, направление письменной претензии, подачу жалобы в контролирующие органы и судебную защиту, при этом значительная часть споров разрешается в досудебном порядке.

Таким образом, эффективность защиты прав потребителей в сфере маркетплейсов зависит от уровня правовой грамотности и добросовестности участников рынка, а развитие законодательства направлено на повышение прозрачности и безопасности цифровой торговли.

Литература

1. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1.
2. Федеральный закон № 69-ФЗ от 07.04.2025 (о внесении изменений в законодательство о защите прав потребителей).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть IV — интеллектуальные права).
4. Официальные правила маркетплейсов Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет.
5. Материалы Роспотребнадзора по дистанционной торговле.
6. Научные статьи и публикации по электронной коммерции и защите прав потребителей.

Кравченко К.А., Бабкин Н.Е., Опарина Е.А., Заблоцкая Д.А.
Научный руководитель: Каткова Л.В.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: guardthroe@yandex.ru

Разработка цифрового инструмента расчета налоговых обязательств физических и юридических лиц

Разработка калькулятора налогов для физических и юридических лиц в Российской Федерации является актуальной задачей в условиях постоянно меняющегося законодательства, роста числа самозанятых и усложнения налоговой среды для бизнеса. Современная экономика требует от граждан и компаний высокой финансовой грамотности, однако налоговая система РФ остается достаточно сложной для самостоятельного понимания. В этих условиях цифровой инструмент, способный быстро, точно и понятно рассчитывать налоговые обязательства, становится не просто удобным сервисом, а необходимым элементом повседневной финансовой деятельности.

Актуальность разработки такого калькулятора обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, регулярные изменения налоговых ставок, введение новых режимов, корректировки в порядке применения вычетов и льгот требуют постоянного отслеживания и адаптации. Во-вторых, увеличивается количество пользователей без профессионального бухгалтерского образования - самозанятых, индивидуальных предпринимателей, фрилансеров, которым необходим простой и понятный инструмент для расчета налогов. В-третьих, бизнесу требуется быстрое моделирование налоговой нагрузки для принятия управленческих решений, что также усиливает спрос на такие решения. Создание калькулятора начинается с определения его целей и функционального назначения. Основной задачей является автоматизация расчета налогов с учетом действующего законодательства РФ, включая поддержку различных категорий пользователей - физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Система должна обеспечивать корректный расчет налогов, учитывать применимые ставки, а также предоставлять прозрачную и понятную пользователю информацию о результате.

На этапе проектирования необходимо определить целевую аудиторию. Для физических лиц это могут быть наемные сотрудники, рассчитывающие налог на доходы физических лиц, владельцы имущества, самозанятые, а также лица, получающие доход от продажи имущества. Для юридических лиц и ИП — это представители малого и среднего бизнеса, бухгалтеры и финансовые специалисты, которым важно учитывать особенности различных систем налогообложения, таких как упрощенная система (УСН) или общая система (ОСНО).

Ключевым элементом разработки является определение перечня налогов, подлежащих расчету. Для физических лиц это, прежде всего, налог на доходы физических лиц (с прогрессивной шкалой ставок), имущественные налоги (на недвижимость, транспорт и землю). Для юридических лиц — налог на прибыль, налог на добавленную стоимость, страховые взносы, а также налоги в рамках специальных режимов. Важно учитывать, что разные налоги имеют различную базу расчета, порядок исчисления и сроки уплаты, что усложняет реализацию логики расчета. Логика расчета налогов должна строиться по универсальному принципу: пользователь вводит исходные данные, система определяет применимый налоговый режим и тип налога, после чего применяет соответствующие формулы и ограничения. Например, при расчете НДФЛ важно учитывать пороговые значения дохода для применения повышенной ставки, а при расчете УСН — выбранный объект налогообложения («доходы» или «доходы минус расходы»).

Входные данные играют критическую роль в точности расчетов. Для физических лиц это могут быть сведения о доходах, типах доходов, наличии налоговых вычетов и регионе проживания (для имущественных налогов). Для юридических лиц - данные о выручке, расходах, численности сотрудников, системе налогообложения и виде деятельности. Интерфейс ввода должен быть интуитивно понятным и минимизировать вероятность ошибок. С точки

зрения пользовательского опыта, калькулятор должен быть максимально простым и понятным. Эффективным решением является использование пошаговых форм, которые последовательно собирают необходимую информацию. Важную роль играют подсказки и пояснения, позволяющие пользователю понять, какие данные необходимо вводить и как формируется результат.

Таким образом, разработка калькулятора налогов для физических и юридических лиц в РФ представляет собой комплексную задачу, сочетающую в себе глубокое понимание налогового законодательства, продуманную архитектуру программного обеспечения и ориентацию на пользователя. Актуальность такого решения обусловлена растущей потребностью в автоматизации финансовых расчетов, снижении ошибок и повышении прозрачности налоговых обязательств. В условиях цифровизации экономики подобные инструменты становятся неотъемлемой частью финансовой инфраструктуры как для граждан, так и для бизнеса.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации : (часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ) //Собрание законодательства РФ.
2. Налоговое право / Ю. А. Крохина. — М. :Юрайт, 2023. - 432 с.
3. Федеральная налоговая служба : официальный сайт. -URL:<https://www.nalog.gov.ru>» (дата обращения: 02.04.2026).

Курникова Д.

Научный руководитель: Орлова А.Н.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
dasha.kurnikova@inbox.ru

Экономический суверенитет в современном конституционном развитии России

Конституционное закрепление социально-экономических основ конституционного строя Российской Федерации представляет собой фундаментальную основу функционирования государства, определяющую принципы взаимодействия публичной власти, общества и личности в сфере экономики и социальных отношений. Переход к рыночной экономике, последующие трансформации социальной политики, конституционные реформы 2020 года, а также современные вызовы, связанные с необходимостью обеспечения экономической и социальной устойчивости в условиях внешнего санкционного давления, актуализируют научный анализ содержания, реализации и пределов действия конституционных принципов в социально-экономической сфере.

Важнейшей задачей для современных государств, естественным образом желающих защитить свои национальные экономические интересы, является достижение и сохранение реального экономического суверенитета как ключевого элемента государственного суверенитета, который, по словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, "...очень дорогая вещь и на сегодняшний день, можно сказать, эксклюзивная в мире. Для России суверенитет не политическая роскошь, не предмет гордости, а условие выживания в этом мире. Россия - такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета. Она будет либо независимой, либо, скорее всего, ее вообще не будет".

Экономический суверенитет России – это не просто абстрактное понятие, а краеугольный камень конституционного строя, заложенный в основу Основного Закона страны, принятого на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года. Он представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение независимости и самодостаточности российской экономики от внешнего давления и манипуляций. Это не только способность самостоятельно регулировать внутренние экономические процессы, но и активное участие в глобальной экономике на собственных условиях, с приоритетом национальных интересов. Конституция 1993 года заложила фундамент для этого, определив основные принципы экономической деятельности государства, включая право на государственное регулирование экономики, защиту внутреннего рынка и поддержку отечественных производителей [1].

Экономическая свобода принадлежит самой стране: она должна без вмешательства извне и независимо разрабатывать самостоятельные планы развития и осуществлять их за счет собственных ресурсов для благосостояния народа. В научной литературе подчеркивается неразрывная взаимосвязь двух категорий – экономического суверенитета и экономических свобод, где экономический суверенитет создает институциональные рамки для реализации экономических свобод, а свобода предпринимательства выступает важнейшим условием укрепления национального экономического потенциала. С позиций современного конституционного права, экономический суверенитет Российской Федерации представляет собой конституционно-правовую категорию, означающую верховенство государства в определении направлений, форм и методов осуществления экономической политики на своей территории, независимость от внешних субъектов в принятии экономически значимых решений, а также способность государства обеспечивать устойчивое функционирование национальной экономики в условиях внешнего давления, включая санкционные ограничения [2].

Содержание экономического суверенитета в системе конституционного права России раскрывается через совокупность конституционных норм, закрепляющих как экономические принципы конституционного строя, так и права человека в экономической сфере. Основу обеспечения экономического суверенитета России наряду с экономическими принципами

конституционного строя. Составляют закрепленные в главе 2 Конституции права: на свободу предпринимательской деятельности (ст. 34), частную собственность (ст. 35), на свободный труд (ст. 37) и их конституционные гарантии, включая право на судебную защиту. Данные права создают легитимную основу для экономической активности частных субъектов, которая формирует налоговую базу, обеспечивает занятость и наполняет бюджет, необходимый для выполнения государством своих функций. Кроме того, конституционное содержание экономического суверенитета определяется нормами Конституции РФ о праве Российского государства на денежную эмиссию, об участии в межгосударственных объединениях, о едином валютном регулировании, о единой системе налогов и сборов, об обеспечении защиты и устойчивости рубля Центральным банком РФ, а также о социальных гарантиях прав граждан. Указанные конституционные положения в совокупности создают правовую основу для проведения независимой денежно-кредитной, налогово-бюджетной и внешнеэкономической политики, что является ключевым элементом экономического суверенитета в условиях внешних ограничений.

В современном конституционном развитии России особо следует отметить значение внесенной в Конституцию РФ в 2020 году поправки, касающейся создания условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, взаимного доверия государства и общества, социального партнерства, экономической, политической, социальной солидарности, закрепленной в статье 75.1. Данная конституционная новела эксплицирует новые конституционные ценности, детализирует принципы экономических основ конституционного строя, дополняет и углубляет их нормативно-правовое содержание. С точки зрения укрепления экономического суверенитета. Статья 75.1 Конституции РФ закрепила целеполагающую функцию государства в экономической сфере, установив, что устойчивый экономический рост, повышение благосостояния граждан, социальное партнерство и солидарность являются не просто программными установками, а конституционными обязанностями публичной власти. Данные положения явились новым конституционным приоритетом, касающимся главной цели конституционно-правовой политики в сфере экономики, нормативно-правового опосредования экономических принципов основ конституционного строя, обеспечивая реализации экономических прав граждан и укрепления экономического суверенитета.

Важность закрепления положений об устойчивом экономическом росте и повышении благосостояния граждан в конституционном тексте трудно переоценить, поскольку в настоящее время экономический рост рассматривается как одна из основных целей экономической политики любой современной страны. Позволяет улучшить материальное и социальное положение каждого члена общества, повысить внутренний продукт государства, обеспечить его независимость в экономической сфере, экономическую самодостаточность и экономическую безопасность. В условиях санкционного давления достижение устойчивого экономического роста приобретает дополнительное измерение: оно становится не только условием повышения благосостояния, но и фактором выживаемости национальной экономики в условиях ограниченного доступа к внешним рынкам капитала, технологиям и финансовым инструментам. В Стратегии национальной экономической безопасности Российской Федерации создание условий для экономического роста в России отнесено к целям обеспечения одного из стратегических национальных приоритетов – экономической безопасности. В указанном документе провозглашается также, что темпы экономического роста в России должны превысить мировые. Данное целеполагание, закрепленное на уровне стратегического планирования, корреспондирует с конституционным принципом, установленным статьей 75.1, и конкретизирует его применительно к внешнеэкономическим условиям.

Таким образом, в условиях беспрецедентного санкционного давления экономический суверенитет приобретает значение не только конституционного принципа. Но и практического ориентира правотворческой и правоприменительной деятельности, определяющего направления адаптации национальной экономики к новым внешним условиям.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Фаресова, А. Р. Роль экономической самостоятельности в обеспечении экономического суверенитета страны / А. Р. Фаресова // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2025. – № 12. – С. 101-107.

Мичурина Е.Д.

Научный руководитель: к.ю.н. Орлова А.Н.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
katyusha.michurina@yandex.ru*

Конституционализация исторической памяти в Российской Федерации: правовые механизмы защиты

Вопрос об отношении к истории затрагивает как правовые, так и общественно-политические аспекты, являясь критерием морального здоровья нации и непрерывности нравственных ориентиров. Однако на данную категорию общественного сознания воздействуют не только моральные идеалы общества, но и меры государства: политика в сфере образования, страхование исторических ценностей, а также юридические запреты на их осквернение. Особую роль здесь играет конституционализация исторической памяти, например, ее закрепление в ст. 67.1 Конституции РФ. Нормы о преимущественности развития, уважении к защитникам Родины, защите исторической правды и недопустимости принижения подвига народа призваны стимулировать правовые отношения по страхованию наследия. Как справедливо заметил глава Конституционного Суда В.Д. Зорькин, конституционное закрепление получила идея великого прошлого, обладающая мощным объединяющим потенциалом, а историческая память признана обязательным элементом конституционной идентичности [2].

Историческая осведомленность и представления народа о своем прошлом неизменно образовывали ядро национальной идентичности и духовную базу для независимости государства. В XX веке эволюция СМИ и художественной культуры, вкупе с ростом их психологического давления на общественное сознание, превратили историю в орудие политики. Сегодня все отчетливее прослеживаются попытки оправдания фашизма и нацизма, которые неизменно идут рука об руку с подлогом исторических фактов. Фактически сразу после завершения Второй мировой войны западная историческая наука, мемуарные источники, разные жанры беллетристики и обширная часть медиасообщества целенаправленно и последовательно занимались искажением истории советского общества – для разрушения СССР и ревизии итогов Второй мировой войны [1].

В последние годы в Российской Федерации всё чаще рассматриваются судебные дела, связанные с признанием фактов геноцида в отношении советского народа в период Великой Отечественной войны. Одним из таких случаев стало решение, принятое Солецким районным судом Новгородской области в октябре 2022 года. Суд признал преступления, совершённые в 42-43 годах прошлого века в деревне Жестяная горка Батецкого района Ленинградской области (с пятого июля 44 года прошлого столетия — Новгородская область), актом геноцида. Тогда жертвами стали две тысячи шестьсот советских граждан, среди которых были мирные жители и военнопленные.

В марте 2022 года Ростовский областной суд также вынес исторически важное решение, признав действия, направленные против ста восьмидесяти тысяч восемьсот одиннадцати советских граждан и двухсот тысяч военнопленных, геноцидом и военным преступлением. Это постановление подчеркивает масштаб и целенаправленность репрессивных действий против гражданского населения и пленных [4].

В октябре того же года Санкт-Петербургский городской суд, продолжая эту правовую линию, признал блокаду Ленинграда, длившуюся с тысяча девятьсот сорок первого по тысяча девятьсот сорок четвёртый год, актом геноцида. Блокада, одна из

самых трагичных страниц в истории города, унесла сотни тысяч жизней, что свидетельствует о целенаправленности действий оккупантов на уничтожение мирного населения. Ленинградский областной суд в своём решении также отметил преступления, совершённые немецко-фашистскими захватчиками, признанными геноцидом, в концентрационном лагере «Дулаг-сто пятьдесят четыре». В этом лагере погибло около восьмидесяти тысяч человек. Особенно ужасающий пример — расстрел двухсот сорока восьми женщин-инвалидов, который произошёл в Макарьевской пустыни, и стал символом жестокости и безжалостности тех лет [3].

Все эти судебные решения свидетельствуют о глубокой правовой оценке исторических событий, направленных на сохранение памяти о трагических событиях прошлого и защиту исторической правды. Подобные процессы помогают осознать масштаб потерь и преступлений, а также обеспечивают справедливое осуждение действий, направленных на истребление целых слоёв общества.

Актуальность защиты исторической памяти особенно остро ощущается непосредственно в условиях информационных войн, ставших неотъемлемой частью современных международных отношений. Западные страны, стремясь пересмотреть итоги Второй мировой войны, предпринимают активные попытки искажения роли Советского Союза в победе над нацизмом. Эти действия направлены на то, чтобы подорвать историческую правду и формирование искаженной картины прошлого в общественном сознании, что представляет серьезную угрозу национальной безопасности России. Манипуляции с историческими фактами становятся средисвом по осуществлению геополитической борьбы. Это требует соответствующих адекватных мер со стороны государства для обеспечения надёжной защиты своих интересов.

Правовые инструменты играют решающую роль в защите исторической памяти, обеспечивая государственные и общественные механизмы для пресечения попыток фальсификации исторических фактов. Основным законодательный инструмент в данной сфере — статья 354.1 Уголовного кодекса РФ, введенная в 2014 г. Данная статья предусматривает уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, что напрямую связано с защитой памяти о Великой Отечественной войне и недопущением искажения исторических фактов, связанных с этим периодом. Этот правовой механизм стал важным шагом в защите исторической правды и закрепил ответственность за попытки пересмотра итогов войны. Существенные изменения в законодательстве, касающиеся защиты исторической памяти, произошли после 2020 года. Тогда были приняты определённые поправки к статье 354.1. Введение части 4 усилило защиту общественных отношений по сохранению исторической памяти, что стало ответом на возрастающее количество случаев искажения истории и реабилитации нацизма. Поправки направлены непосредственно на предотвращение любых форм оправдания нацистской идеологии и героизации военных преступников, а также на противодействие информационным войнам, ведущим подрыв исторической памяти. Важность обозначенных законодательных изменений подтверждается их направленностью на защиту общенациональных ценностей и предотвращение фальсификации событий прошлого.

Нужно отметить, что введение новых понятий в конституционное право помогает точнее понимать общественные и политические процессы. Также это дает возможность принимать взвешенные и наиболее обоснованные решения, и кроме того, избегать ошибок в правотворческой и правоприменительной деятельности. Очевидно, что право не должно служить инструментом для контроля над обществом или подавления инакомыслия. Его суть заключается в обеспечении равенства, свободы и справедливости, которые проявляются только через правовые механизмы и формы.

Президент РФ В.В. Путин сказал: «Народ без памяти не имеет будущего. Не зная прошлого, будущего никогда не будет, мы будем все утрачивать, все то, чем мы дорожим и на основе чего мы развиваемся и идем вперед. Нельзя жить только прошлым, это ведет в никуда. Прошлым жить нельзя, нужно жить сегодняшним днем и смотреть в будущее. Но не бывает будущего без знания прошлого, без понимания того, на какой земле мы живем и благодаря кому мы живем».

Литература

1. Жутдиев Б.Б., Савик С.А. Защита исторической памяти народа // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № S1. С. 31-35.

2. Зорькин В.Д. Конституционная идеология – это система самоограничения государства //Российской агентствo правовой и судебной информации. 12.12.2023. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20231212/309468483.html (дата обращения 15.02.2025)

3. Решением суда удовлетворены требования прокуратуры Ленинградской области по иску об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленному по поручению Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова // https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_47/mass-media/news?item=77321197 (дата обращения: 08.11.2024)

4. Судебный процесс по делу о признании геноцида советского народа со стороны немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны на территории Ростовской области // <https://www.donland.ru/> (дата обращения: 08.11.2024)

Мичурина Е.Д.

Научный руководитель: к.ю.н., доцент Лончакова Ю.А.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264, г. Муром, Владимирская обл., ул. Орловская, 23
E-mail: michurinakaty2005@icloud.com

Проблемы, связанные с классификацией доказательств в гражданском судопроизводстве

Институт доказывания — это фундамент правосудия: от правильности систематизации доказательной базы зависят законность и обоснованность судебных решений. В гражданском процессе доказательства помогают суду установить наличие или отсутствие обстоятельств, которые обосновывают требования и возражения сторон.

Классификация доказательств призвана упорядочить процесс их сбора, исследования и оценки. Однако существующая система сталкивается с рядом проблем, особенно в условиях развития информационных технологий и усложнения правоотношений.

Целью статьи является анализ ключевых проблем классификации доказательств в гражданском процессе и путей их решения.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами:

- Усложнение гражданских правоотношений. Рост числа и разнообразия споров требует более гибкой и точной системы классификации доказательств.
- Увеличение количества судебных разбирательств. Это повышает нагрузку на суды и требует чёткого понимания, какие доказательства допустимы и как их оценивать.
- Развитие информационных технологий. Появление электронных доказательств (переписка в мессенджерах, данные с интернет-ресурсов, скриншоты и т.д.) ставят вопрос об их месте в существующей классификации.
- Неопределённость правового регулирования. Действующие нормы не всегда успевают за развитием технологий, что создаёт пробелы в законодательстве.
- Размытость границ между категориями доказательств. Некоторые виды доказательств могут сочетать признаки разных групп, что затрудняет их квалификацию.

Главная проблема заключается в несоответствии традиционной классификации доказательств современным реалиям.

Согласно ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, доказательствами в гражданском процессе признаются: объяснения сторон и третьих лиц; показания свидетелей; письменные доказательства; вещественные доказательства; аудио- и видеозаписи; заключения экспертов.

Однако эта система сталкивается с трудностями, в частности:

1. Интеграция электронных доказательств. Закон расширил понятие письменных доказательств, включив в него цифровую запись, но не решил всех проблем. Например, неясно, как квалифицировать: электронные письма; переписку в мессенджерах; данные с интернет-ресурсов.

2. Размытость границ между категориями. Некоторые доказательства могут относиться сразу к нескольким видам:

- протокол осмотра вещественных доказательств — письменный акт, отражающий свойства материального объекта;
- фотография или видеофайл, приложенные к экспертному заключению, — могут считаться и частью заключения эксперта, и самостоятельным источником аудиовизуальной информации.

3. Проблемы производных доказательств. Скриншоты интернет-страниц, копии документов и т.п. потенциально могут исказить информацию при передаче, что требует более строгих требований к их допустимости.

4. Оценка объяснений сторон. Несмотря на то, что объяснения сторон формально являются доказательствами, на практике суды часто придают им меньшую доказательственную

силу, чем другим видам доказательств, что противоречит принципу равенства доказательств (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ).

В теории гражданского процесса доказательства классифицируются по разным основаниям:

1. По характеру связи с доказываемыми обстоятельствами:
 - Прямые — непосредственно устанавливают искомое обстоятельство (например, договор купли-продажи).
 - Косвенные — устанавливают его опосредовано, через промежуточные факты (например, квитанция об оплате товара может косвенно подтверждать заключение договора).
2. По источнику формирования:
 - Личные — исходят от человека (объяснения сторон, показания свидетелей, заключения экспертов).
 - Вещественные — объекты материального мира (документы, предметы, аудио- и видеозаписи).
3. По способу формирования:
 - Первоначальные (первичные) — получены из первоисточника (показания свидетеля-очевидца, подлинник документа).
 - Производные (вторичные) — получены через посредствующий источник (копии документов, скриншоты, показания лица, узнавшего о факте от другого).
4. По процессуальной форме (согласно ст. 55 ГПК РФ): объяснения сторон; показания свидетелей; письменные доказательства; вещественные доказательства; аудио- и видеозаписи; заключения экспертов.

Каждая классификация имеет свои преимущества, но ни одна не является универсальной для всех случаев, особенно при работе с электронными доказательствами.

Для преодоления данных проблем можно предложить следующие меры:

1. Законодательное закрепление понятия электронных доказательств. Необходимо определить их правовой статус, порядок представления и оценки. Например, можно выделить их в отдельную категорию или уточнить, к какой существующей категории они относятся.
2. Уточнение критериев классификации. Следует разработать чёткие признаки, по которым доказательства будут отнесены к той или иной категории, особенно в случаях, когда они сочетают признаки нескольких видов.
3. Установление правил оценки производных доказательств. Нужно закрепить требования к их достоверности, например:
 - обязательность подтверждения подлинности копий;
 - указание на способ получения скриншотов или копий;
 - возможность проверки источника информации.
4. Развитие судебной практики. Судам необходимо выработать единые подходы к квалификации и оценке новых видов доказательств, особенно электронных.
5. Использование современных технологий. Внедрение систем электронного документооборота и цифровых платформ для подачи доказательств упростит их обработку и проверку.

Таким образом, классификация доказательств в гражданском судопроизводстве — важный инструмент обеспечения справедливости и законности судебных решений. Однако существующая система требует адаптации к современным условиям, особенно в связи с развитием информационных технологий.

Основные проблемы связаны с неопределённостью статуса электронных доказательств, размытостью границ между категориями и недостаточной проработкой правил оценки производных доказательств.

Решение этих проблем возможно через совершенствование законодательства, уточнение критериев классификации, развитие судебной практики и обучение специалистов.

Это позволит повысить эффективность правосудия, обеспечить обоснованность судебных решений и укрепить доверие к судебной системе в целом.

Литература

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026). // СПС «КонсультантПлюс».
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС «КонсультантПлюс».
3. Треушников М.К. Гражданский процесс: Учебник. 6 – е издание, перераб. и доп. – М.: Статут, 2020// <https://djvu.online/file/kCABO36GIUTmR?ysclid=mnkqdltkh297016208>
4. Саханова Т.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Красноярск: Красноярский университет, 1997

Муравьев А.Ф.

Научный руководитель: к.ю.н. Орлова А.Н.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».
Владимирская область, г. Муром, улица Орловская д.23

Персональные данные и искусственный интеллект: правовые границы обучения алгоритмов

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта особую актуальность приобретает вопрос правомерности использования персональных данных при обучении алгоритмов машинного обучения. Российское законодательство в лице Федерального закона «О персональных данных» №152-ФЗ [1] устанавливает жесткие требования к обработке таких сведений, создавая существенные правовые барьеры для разработчиков ИИ-систем, что связано с необходимостью их защиты. Современная цифровая экосистема сталкивается с рядом критически важных проблем, требующих незамедлительного решения:

1. Эскалация компьютерных угроз информационной безопасности. Динамично развивающиеся кибернетические атаки и компрометация конфиденциальных сведений диктуют необходимость внедрения комплексных защитных механизмов. Криптографические протоколы нового поколения, системы предикативного анализа угроз и реал-тайм аудит доступа формируют базис для предотвращения несанкционированной эксплуатации цифровых активов. Крупномасштабные инциденты с деперсонализированными массивами информации, затрагивающие мультимиллионную аудиторию, демонстрируют системные лакуны в текущих протоколах безопасности. 2. Дефицит открытости в обработке цифровых профилей. Отсутствие четких представлений у субъектов данных о механизмах работы с их персональными параметрами актуализирует разработку интерактивных платформ самоуправления информационными потоками. Параллельно возникает потребность в создании стандартизированных коммуникационных протоколов, позволяющих коммерческим структурам осуществлять прозрачную отчетность перед пользователями при минимизации бюрократических издержек. 3. Нравственные дилеммы технологического прогресса. Внедрение предиктивных систем на базе машинного обучения порождает дискуссии о допустимых пределах прогностического моделирования поведенческих паттернов. Данная проблема затрагивает как правовые рамки обработки частных данных, так и эпистемологические ограничения алгоритмических систем в контексте соблюдения цифрового суверенитета личности.

В современном мире, где цифровые технологии развиваются с невероятной скоростью, возникают новые вызовы, требующие от нас разработки комплексного подхода, который должен объединять правовые, технические и организационные меры, направленные на создание безопасной и защищенной цифровой среды. Одной из важнейших задач является укрепление доверия между пользователями и операторами данных. Это доверие является основополагающим элементом на пути к устойчивому цифровому будущему, поскольку без него пользователи не будут готовы делиться своими данными, а операторы не смогут эффективно использовать эти данные для улучшения своих услуг[6].

Важным аспектом этой проблемы является использование технологий искусственного интеллекта, которые все чаще применяются в различных системах наблюдения. Эти технологии позволяют осуществлять поиск и отслеживание людей с помощью множества устройств, что, в свою очередь, приводит к накоплению персональных данных. Персональные данные - это часть больших данных, которые представляют собой огромный объем информации, собираемой из различных источников. С ростом объемов данных возникает новая проблема, касающаяся обеспечения конфиденциальности частной жизни [5]. Многие исследователи подчеркивают, что право на тайну частной жизни и концепция больших данных находятся в противоречии друг с другом. Дело в том, что возможности, которые открываются благодаря большим данным, могут противоречить ряду принципов, касающихся обработки персональных данных. Такие

принципы установлены нормами, содержащимися в статьях Федерального закона «О персональных данных». Например, одним из ключевых требований является необходимость ограничивать обработку персональных данных заранее определенными целями. Это означает, что операторы данных должны четко понимать, для каких целей они собирают и обрабатывают информацию. Кроме того, существует требование о наличии информированного, конкретного и сознательного согласия субъекта персональных данных на их обработку. Пользователи должны быть полностью осведомлены о том, как и зачем их данные будут использоваться. И давать свое согласие на это. В условиях, когда данные собираются в огромных объемах и обрабатываются с помощью сложных алгоритмов, обеспечить такое информированное согласие становится сложно. Таким образом, перед современным законодателем стоит задача найти баланс между использованием технологий для улучшения качества жизни и соблюдением прав человека на конфиденциальность. Все это требует разработки новых правовых норм и стандартов, но и активного вовлечения всех заинтересованных сторон в процесс обсуждения и принятия решений, касающихся обработки персональных данных. Важно, чтобы в этом процессе учитывались интересы пользователей, операторов данных и общества в целом, чтобы создать действительно безопасную и устойчивую цифровую среду [7].

Идентификация с использованием технологий искусственного интеллекта в наше время становится все более распространенной практикой. В большинстве случаев для этой цели применяются биометрические данные, такие как изображение лица и голос человека. Эти методы активно используются различными организациями, включая правоохранительные органы, для поиска и идентификации подозреваемых в совершении преступлений. Например, если человек использует видеозапись или разблокирует свой смартфон с помощью технологии распознавания лиц, его биометрическая информация может быть собрана и сохранена в базе данных, управляемой искусственным интеллектом. Такие базы данных могут находиться в различных уголках интернета, включая Deep Web и Dark Web, где информация может храниться в персональных каталогах пользователей. Таки платформы находятся вне рамок правового регулирования, что создает условия для множества злоупотреблений. Это может привести к различным правонарушениям, включая преступления, совершенные с использованием технологий, которые эти платформы предоставляют [4]. Одной из наиболее серьезных проблем, на которую указывают многие исследователи, является торговля персональными данными граждан. В условиях, когда информации о пользователях становится товаром, это вызывает серьезные опасения относительно безопасности и конфиденциальности личных данных. Эта проблема требует внимания со стороны законодательных органов, и в России в этом контексте происходят активные обсуждения [8]. В мае 2023 года один из депутатов Государственной Думы Российской Федерации предложил радикальный шаг для борьбы с негативными последствиями, связанными с использованием Dark Web, а именно – признать его незаконным. Однако большинство экспертов считают эту инициативу неосуществимой, поскольку технически заблокировать доступ невозможно. Это связано с тем, что сеть децентрализована и использует различные методы шифрования, что затрудняет ее контроль. Кроме того, такая инициатива может быть излишней, поскольку в России уже существуют законодательные акты, которые регулируют вопросы хранения и обработки персональных данных. Например, в соответствии с так называемым Законом Яровой, операторы связи обязаны устанавливать на своем оборудовании технические средства, которые обеспечивают функции оперативно-розыскных мероприятий. Они также обязаны хранить определенное время записи телефонных разговоров, текстовые сообщения и интернет-трафика своих абонентов. Это позволяет правоохранительным органам быстро реагировать на противоправные действия, которые могут быть совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий [2].

Одна из главных проблем – алгоритмическая предвзятость, когда ИИ – модели, обученные на нерепрезентативных данных, могут дискриминировать определенные группы людей. Работа нейросетей остается «черным ящиком», что затрудняет объяснение принятых решений и соблюдение принципов прозрачности, закрепленных в GDPR. Еще один важный аспект – согласие пользователей: если персональные данные собирались для одной цели, их последующее использование для обучения ИИ может выходить за рамки изначально полученного разрешения. Важно находить баланс между необходимостью обеспечения

безопасности и защитой личной информации, что является непростой задачей в условиях постоянно меняющегося технологического мира.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // «Российская газета», N 165, 29.07.2006
2. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. N 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС КонсультантПлюс, 2025
3. Гулиева М.Э. Сравнительно-правовой анализ вопросов защиты персональных данных в процессе развития искусственного интеллекта. США & Канада: экономика, политика, культура. 2023; 53 (4): 108–117
4. Дворянкин О.А. Deep Web - глубокая паутина. Что мы не знаем об Интернете или что от нас хорошо скрывают // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2021. N 71. С. 25 - 27
5. Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 2. С. 255 - 256.
6. Лукошкин А. А. Защита персональных данных в социальных сетях: механизмы защиты данных пользователей, проблемы обеспечения конфиденциальности и права граждан // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 6, № 2(155). С. 147-152.
7. Савельев А.И. Проблема применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. N 1. С. 43 - 66.

Муравьев А.Ф.

Научный руководитель: к.ю.н., зав. кафедрой юриспруденции Каткова Л.В.
Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».
Владимирская область, г. Муром, улица Орловская д.23
muravv_2023@mail.ru

Конституционно-правовая ответственность Правительства в РФ и за рубежом

Конституционно-правовая ответственность Правительства – относительно новый вид юридической ответственности. В Российской Федерации данный институт продолжает формироваться. В зарубежных странах сложились различные модели парламентской ответственности исполнительной власти.

В Российской Федерации конституционно-правовая ответственность Правительства регламентируется ст. 109–117 Конституции РФ. Государственная Дума может выразить недоверие Правительству. После однократного выражения недоверия Президент вправе объявить об отставке Правительства либо не согласиться с решением Думы. При повторном выражении недоверия в течение трёх месяцев Президент обязан принять решение об отставке Правительства либо распустить Думу. Конструктивный вотум недоверия (обязательное предложение новой кандидатуры премьера) Конституцией РФ не предусмотрен. Президент РФ самостоятельно принимает решение об отставке Правительства. Председатель Правительства может поставить перед Думой вопрос о доверии. Отказ в доверии влечёт те же правовые последствия, что и выражение недоверия. Индивидуальная парламентская ответственность министров в российском законодательстве отсутствует.

В Федеративной Республике Германия действует конструктивный вотум недоверия (ст. 67 Основного закона ФРГ). Бундестаг может выразить недоверие федеральному канцлеру, только одновременно избрав большинством голосов его преемника. Федеральный президент обязан назначить предложенного кандидата и отправить в отставку прежнего канцлера. Данный механизм предотвращает внеочередные парламентские выборы. Статья 68 Основного закона ФРГ позволяет канцлеру ставить вопрос о доверии. При неполучении доверия федеральный президент по предложению канцлера может распустить Бундестаг.

В Великобритании конституционная ответственность Правительства основана на конвенциональных нормах. Парламентский вотум недоверия Правительству (vote of no confidence) влечёт роспуск Палаты общин и всеобщие выборы. Премьер-министр несёт политическую ответственность перед Палатой общин. Индивидуальная ответственность министров (individual ministerial responsibility) предполагает их отставку за ошибки в работе министерства. Коллективная ответственность (collective responsibility) обязывает всех членов Правительства публично поддерживать кабинетную политику. Конституционный комитет Палаты лордов 28 января 2025 года опубликовал шестой доклад об исполнительном надзоре и ответственности за конституцию Великобритании.

Во Французской Республике ответственность Правительства регламентируется ст. 49–50 Конституции. Национальное собрание может принять резолюцию порицания (вотум недоверия). Резолюция подписывается не менее чем одной десятой депутатов. Голосование происходит через 48 часов после внесения. Для принятия требуется абсолютное большинство голосов. Статья 49.3 Конституции Франции позволяет Премьер-министру принять закон без голосования в парламенте, поставив на карту ответственность Правительства. Депутаты в ответ могут внести вотум недоверия. 4 декабря 2024 года Национальное собрание Франции приняло резолюцию порицания против Правительства Мишеля Барнье (331 голос при необходимых 289). Это первый случай в истории Пятой республики, когда применение ст. 49.3 привело к отставке Правительства.

Сравнительный анализ выявляет три модели парламентской ответственности Правительства. Первая (Россия, Франция) – классический вотум недоверия без обязательного предложения альтернативного кандидата. Вторая (Германия) – конструктивный вотум недоверия с обязательным избранием нового канцлера. Третья (Великобритания) –

конвенциональная модель, основанная на обычаях и политических традициях. Судебная практика по делам о конституционной ответственности Правительства за рубежом за 2024–2026 годы в открытом доступе отсутствует.

Литература

1. Гошуляк В.В. Теоретико-правовые проблемы конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. № 3. С. 33–39.
2. Хагба Е.Г. Конституционно-правовая ответственность Правительства Российской Федерации: развитие и современное состояние // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 4. С. 47–50.
3. Чепус А.В. Конституционно-правовая ответственность исполнительной власти в России и странах Европы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 209–216.
4. Гаврилкин И.А., Поляков Д.О., Платонова Д.О. Сравнительный анализ взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в РФ, Великобритании, Франции и ФРГ // Политологические науки. 2025. № 1. С. 12–18.
5. Constitution Committee. Executive oversight and responsibility for the UK constitution. 6th Report of Session 2024–25. HL Paper 72. London: House of Lords, 2025. 120 с.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.10.2024 № 43-П по делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 24.5, части 5 статьи 28.2, пункта 4 части 1 статьи 29.4 и частей 1 и 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.В. Кашина. 2024.

Савчук А.С.

Научный руководитель: Каткова Л.В.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых».

*Владимирская область, г. Муром, улица Орловская д.23
sava18sasha11@gmail.com*

Различия развития гражданского общества в России и за рубежом

Историко-правовые траектории России и западных демократий демонстрируют принципиальные различия в генезисе и функционировании гражданского общества.

На Западе гражданское общество формировалось как противовес абсолютистскому государству (XVII–XVIII вв.). Теория общественного договора (Локк, Руссо) легитимировала право граждан на самоорганизацию вне государственного контроля.

В России идея гражданского общества столкнулась с доминирующей ролью государства. Реформы 1860–1870-х годов (земства, суды присяжных) стали первой попыткой институционализации общественной самодеятельности. Однако земства оставались под административным контролем, а полицейский режим ограничивал работу общественных организаций. Советский период (1917–1991) ликвидировал автономные общественные структуры. Вся общественная активность загонялась в рамки партийно-государственных структур - профсоюзов, комсомола, добровольных обществ. Самостоятельное гражданское общество отсутствовало. Постсоветская Россия (после 1991 г.) пошла по пути создания нормативной базы. Конституция 1993 года закрепила идеологическое многообразие и право на объединение (ст. 13, ст. 30). Это был отказ от советской монополии на общественную жизнь.

Параллельно на Западе формировалась традиция государственно-частного партнерства. В Германии, например, государство не только предоставляет права, но и напрямую закупает услуги некоммерческого сектора.

Конституционная реформа 2020 года в России изменила приоритеты. В статью 75.1 внесен принцип социальной солидарности, а статья 79 ограничила приоритет международного права. Цель - переориентация институтов гражданского общества на внутренние задачи.

Ключевое различие: на Западе гражданское общество выступает как независимый актор, в России - как проводник государственной политики. Законодательство 2021–2026 годов закрепило эту тенденцию. Федеральный закон № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (2022 г.) ввел статус «иностранного агента». К 2025 году режим ужесточили: уголовная ответственность наступает после одного административного нарушения.

Во Франции аналогичный процесс выглядит иначе. Закон 2021 года о «сепаратизме» ввел «Договор республиканского обязательства». НКО, получающие субсидии, должны подписать его - это требование светскости и лояльности. Французский подход - это не запрет, а фильтр для государственного финансирования.

Статистика отражает масштаб. В России количество НКО в реестре Минюста превышает 220 тысяч. Из них статус «иноагента» к началу 2026 года получили более 800 организаций.

В США и Великобритании регулирование иное. Федеральный закон «For the People Act» (2021) расширял права избирателей, но не ограничивал деятельность НКО напрямую. Акт 2026 года «Non-Citizens in Control of Our Government Act» требует подтверждения гражданства для занятия госдолжностей - это косвенное давление на организации, привлекающие иностранцев.

Общественная палата РФ (действует с 2005 г.) координирует взаимодействие. Доклад за 2021 год показал: гражданское общество собрало 1,81 млрд рублей пожертвований. Помощь получили 5 млн человек. Это доказывает востребованность НКО в социальной сфере.

К 2026 году фокус сместился на поддержку участников СВО и гуманитарные проекты. Гражданское общество становится инструментом «социальной солидарности», а не политической оппозиции.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) до 2022 года рассматривал жалобы российских НКО. Например, постановление от 27.11.2014 по делу «Хараева и другие против

РФ» касалось свободы собраний. После прекращения членства РФ в Совете Европы (март 2022 г.) такие прецеденты не создаются.

Западное гражданское общество сталкивается с кризисом легитимности. Популизм и недоверие к элитам сокращают гражданское пространство. Новые законы принимаются с узкими консультациями и в спешке.

В Венгрии и Польше законы об «иностранном влиянии» появились раньше, чем в России. Это региональная тенденция, а не российское изобретение.

Различия коренятся в исторической памяти. Запад прошел через Реформацию и буржуазные революции, создавшие привычку к самоуправлению. Россия наследовала византийскую модель «симфонии властей», где общество - ресурс государства. Конституционные нормы лишь закрепляют эту матрицу.

Литература

1. Половинкин В.А., Михайлов С.Г. Актуальные вопросы формирования институтов гражданского общества и правового государства в современной России // Государство и право. 2026. № 1. С. 15–22.

2. Иванова М.А. Гражданское общество в Российской Федерации: особенности развития и отличия от европейских государств // Przegląd Europejski. 2021. № 1. С. 253–258.

3. Багирян Г.А. Формирование конституционных основ гражданского общества: конституционные проекты 90-х годов в свете конституционной реформы 2020 г. // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 30–33.

4. Попова А.Д. Процесс формирования гражданского общества в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. № 2. С. 45–52.

5. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29. Ст. 5234.

6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. М.: Общественная палата РФ, 2022. 280 с.

7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2025 год. М.: Общественная палата РФ, 2026. 310 с.

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.11.2014 по делу «Хараева и другие против Российской Федерации» (жалоба № 2721/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4. С. 12–19.

9. Шапкина Е.А. Конституционно-правовое регулирование и организационные формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества во Франции // Право и управление. XXI век. 2021. № 3. С. 67–73.

10. Мельникова М.В. Эволюция идей о гражданском обществе и правовом государстве в России и проблемы их реализации в советском и российском государстве. М.: Проспект, 2024. 320 с.

Шмони́на Д.Д.
Научный руководитель: Огнев О.Г.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
г. Муром, ул Орловская, 23
dshmonina2008@gmail.com*

Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) порождает глубокий диссонанс между инновациями и правовым регулированием. Скорость совершенствования нейросетей столь высока, что, пока законодатели обсуждают поправки в законодательство, технологии делают новый шаг вперёд, создавая прецеденты, которые действующие нормы права просто не могут охватить. Это порождает «серые зоны» в авторском праве и неопределённость с ответственностью за возможный вред, причинённый искусственным интеллектом, требуя срочного осмысления и адаптации законодательства.

Основной вопрос в сфере авторского права — может ли ИИ быть признан автором произведения? В соответствии со статьёй 1228 Гражданского кодекса РФ, автором признаётся гражданин, творческим трудом которого создан результат, при этом не признаются авторами лица, оказавшие лишь техническое содействие.

Следовательно, «слабый» ИИ, будучи лишь техническим инструментом, не может считаться автором, а контент, созданный с его помощью, не обязательно становится общественным достоянием. Ключевым критерием здесь выступает наличие творческого вклада человека. Пленум Верховного Суда РФ (Постановление № 10 от 23 апреля 2019 года) разъяснил, что объектом авторского права является только результат, созданный творческим трудом, причём творческий характер не зависит от того, создано ли произведение собственноручно или с использованием технических средств. Результаты же, созданные техническими средствами без участия человека, объектами авторского права не являются. Суды в каждом конкретном случае оценивают степень творческого вклада человека, например, в создание уникального запроса (промпта), отбор и доработку результата.

Дополнительную сложность вносят пользовательские соглашения самих нейросетей. В действующих соглашениях большая часть прав на сгенерированный контент часто принадлежит разработчикам, а не пользователям, что создаёт серьёзные риски для творческих профессионалов.

Вопрос ответственности за вред, причинённый ИИ, также остаётся крайне неопределённым. В России отсутствует специальное правовое регулирование в этой сфере, и суды вынуждены руководствоваться общими положениями Гражданского кодекса РФ, в частности статьёй 1064, согласно которой вред подлежит возмещению в полном объёме лицом, его причинившим. Основная сложность заключается в «проблеме темпа» развития технологий и непрозрачности алгоритмов машинного обучения: не всегда возможно точно определить, почему ИИ принял то или иное решение.

В науке предлагается распределять ответственность в зависимости от источника вреда. Если вред вызван технической ошибкой в работе ИИ, ответственность должен нести производитель. Если же вред нанесён из-за нарушения правил эксплуатации или умысла оператора, ответственность ложится на использующее систему лицо.

Таким образом, несмотря на то, что суды пытаются применять существующие нормы к новым вызовам, подавляющее большинство экспертов сходятся во мнении, что действующего законодательства и прецедентов ещё недостаточно для разрешения спорных вопросов, связанных с ИИ. Классическое право построено на взаимодействии людей и организаций, а ИИ выпадает из этой схемы. Даже применяя действующие нормы права, крайне сложно доказать, где именно произошёл сбой: в коде разработчика, в данных «учителя», в действиях пользователя или это было непредсказуемое самообучение системы. Некоторые учёные предлагают ввести для систем сильного ИИ новое понятие «цифровое лицо», хотя многие считают такое решение избыточным. В качестве ориентира могут служить новые резолюции

Международной ассоциации по защите интеллектуальных прав (АИППИ), принятые в 2025 году, которые требуют от разработчиков раскрывать информацию об использованных для обучения данных и получать согласие правообладателей. Текущее право служит лишь временной опорой, и общество активно движется к созданию специальных законов об ИИ, которые должны комплексно урегулировать вопросы ответственности, авторства и этики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). Ст. 1228, 1259, 1064.
 2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 80.
 3. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве...»*. Ст. 2.-
 4. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.11.2023 и Постановление 9-го арбитражного апелляционного суда от 11.04.2024 по делу № А40-200471/2023 (о признании дипфейка объектом авторского права).
 5. Резолюция АИППИ «AI & Copyright». Принята 16 сентября 2025 г., Йокогама.
 6. Володина Н.В. Правосубъектность «небиологических членов общества» (роботов и систем искусственного интеллекта) как особая юридическая категория // Современное право. 2025. № 1. С. 12–18.
 7. Камышанский В.П. Искусственный интеллект как новый элемент в структуре гражданских правоотношений // Гражданское право. 2025. № 6. С. 35–39.
-